– Витольд Львович, родненький, я уж приготовила все, – хозяйка встретила их на входе.

Каких усилий стоило Миху уговорить старую перечницу предоставить им комнату на втором этаже, только одному Господу известно. Ведь та что хотела, чтобы плату предоставили ей согласно недельному проживанию, дескать, посуточно она не сдает. Как уж с ней орчук не ругался, не отступалась карга. Поняла за недавнее время, хоть и выглядит Мих грозного, однако нрава самого смирного. Человека почем зря не обидит, если не заслужил, даже слова бранного не скажет. Тем и пользовалась. Пришлось даже пригрозить, что съедут. На том и порешили, что сдаст она им квартиру, но денег как за два дня возьмет.

И то Бурдюков хотел «висельную» комнату взять, это где студент-бедняга себя кончил, она и через стену от них, но как назло туда уже другой постоялец въехал. Чиновник какой-то. Судя по месту жительства самой плохенькой руки. Потому пришлось напротив хорониться.

До того, как в «засаду» сесть, велел Витольд Львович топчан орчуковский свернуть, да и вообще в их квартирке прибрать. А то придут скоро… Мих на то лишь хмыкнул: смысл порядок наводить, коли все равно обыскивать будут? Но пока Витольд Львович в наемной квартире располагался, все исполнил. Даже окошко открыл, свежий ночной воздух впустить, а потом и за хозяином пошел.

Вот новая квартира ему не в пример старой больше нравилась. Комнат целых три: большая, господская, с мебелью дешевой, но добротной; крохотная каморка для прислуги, и общая, выступавшая и в роли гостиной, и обеденной. Понятно, что высокородным людям с хорошим жалованием подобные апартаменты клоповником покажутся, но Миху с господином в самый раз бы подошли. Надо будет со старухой сговориться, может, и выгорит что.

Подумал и сам себя поругал, тут такое закрутилось, выбраться бы, а он о пустом все. Хотя когда события с такой скоростью летят, по-другому и быть не может. Вот взять Черного, уж насколько опасен был, бед разных принес, казалось, будто черт из табакерки. А как его Аристов легко укокошил. Мих всю обратную дорогу мыслей тех из головы выбросить не мог, удивляясь всему: и силе магии Павла Мстиславовича, и сообразительности господина, и выдумке проклятых гоблинарцев, такую штуку придумавших.

Получалось ведь как, этот Черный вроде куклы заводной, лишь волей камня внутреннего оживленный. Но ведь поглядищь на него, как живой: и понимает, и говорит. Чуть не спросил было у Меркулова, может, в тот артефакт душа настоящая заключена, да вовремя рот закрыл. Знания подобные запретны, причем, что у орков, шаманы которых и не такие фортеля с «атманом», душой то бишь, вытворяли, что у славийцев от одних разговоров волосы бы дыбом встали, да и у самих людей. Ведь ежели сможет кто заключать душу в артефакт, да не в такой хрупкий, как у Черного, то сможет и вовсе бессмертным стать.

Но о том орчук вскользь подумал, даже размышлений своих испугаться не успев. Столько хлопот тут сейчас было. Не до того. Витольд Львович же наоборот успокоился. Сел в кресло в дальней комнате, трость вовсе отложил, облокотился и глаза закрыл. Конечно, не спит, скорее в себя ушел, но не двигается. А Мих, напротив, места себе не найдет. Дверь плотно притворил, а вот окно приоткрыл. Оно как раз на улицу выходило, потому слышно будет, если кто подъедет. Точнее когда.

– Мих, хватит метаться, – не открывая глаз, сказал Меркулов.

Орчук замер в нетерпении потирая огромные руки.

– Неужто вы не волнуетесь, господин?

– Очень волнуюсь, – таким безразличным тоном ответил Витольд Львович, будто не первый час занимался самой скучной и монотонной работой. – Но если я буду бегать сейчас и причитать, то что-нибудь изменится?

Не ответил Мих, лишь замер на месте, как истукан. Потому что послышался на улице шум экипажа, да не одного. Остановились они, как и следовало предполагать, у их дома. Люд высыпал, однако тихо, бесшумно, лишь скрип рессор послышался, да нечаянный стук сапога о мостовую. У орчука сердце в пятки упало, догадывался, по чью душу приехали. А господин, знай себе, улыбнулся только. Но хоть глаза открыл, посмотрел на Миха, палец ко рту поднес, мол, молчи.

Вот и остался стоять Бурдюков в самой неудобной позе, двинуться боится, вдруг услышат снаружи полицейские. Что те у подъезда все еще ждут, он не сомневался. Внутрь они не зашли, по улице не двинулись. Иной, кто проснулся, подумал бы, что показалось, да только лошади изредка пофыркивали, обозначивая свое присутствие.

И ведь долго под покровом ночи укрывались, у Миха ноги затекли, и спина вся взмокла. Когда уже решил, что мочи больше нет терпеть, послышался еще шум подъезжаемого экипажа. По звуку легкого, двухколесного. Остановились рядом, слов опять же произнесено не было, только некто, кряхтя, грузно спустился на мостовую, и после послышался негромкий голос обер-полицмейстера: «Пошли».

К удивлению Миха, внутрь последовали не все. Орчук внимательно прислушивался к шагам: самые грузные, скорее всего, Александра Александровича, идет впереди, не таясь, за ним первый полицмейстер, его тоже Бурдюков легко опознал, потом еще двое, один полегче, другой тяжелее. Всего четыре человека. Странно, неужто остальные на улице остались? Но Его превосходительство, точно мысли Миха услышав, негромко сказал, поднимаясь.

– Дело деликатное, сами понимаете. До сих пор в то поверить не могу. Но если подтвердится… В общем, сами понимаете. Обойдемся своими силами. Право, я надеюсь, что поклеп то и наговаривают на Витольда Львовича. Но вот ведь, записка.

– Он и раньше мне не нравился, – отозвался Константин Никифорович, – тут и думать нечего…

Видимо, Его превосходительство дал помощнику какой-то знак, полицмейстер осекся и замолчал. Процессия поднялась на площадку, встала у противоположной двери, а у Миха сердце зашлось. Меркулов теперь тоже последнее хладнокровие потерял, как ни старался храбриться, а кресло пальцами сжал. Раздался громкий стук, а после сразу скрип отворяемой двери, ее Витольд Львович нарочно не запер. Зашли господа-полицейские внутрь, помимо того, что сами с фонарями были (это Мих по отблескам, когда поднимались, понял), так и у них керосинку запалили для большего свету. Началась возня непонятная, шум передвигаемой мебели, ходьба.

Тут уже и титулярный советник на ноги поднялся, подошел к двери, Миху кивнул и револьвер в руки взял. Не скажи он о своем намерении орчуку прежде, так кинулся бы Бурдюков в ноги господину сейчас, креститься стал, просить не губить себя и его, теперь лишь вздохнул судорожно и кивнул. Отворил дверь Меркулов, бесшумно на площадку выскользнул, орчук за ним. Шаг, два, три, четыре.

– Добрый вечер, господа.

Голос титулярного советника был негромок, но произвел должное впечатление. Все застыли в разных позах: Николай Соломонович – свернутый топчан отодвигая, Константин Никифорович

– в вещах Меркулова копошась, Александр Александрович –спиной стоя и за всем наблюдая. Мгновение прошло, и в проеме хозяйской спальни показался третий полицмейстер, румяный Петр Андреевич, смущенно держа в руках смятую постель.

– Прошу вас не кричать, а слушать внимательно. В револьвере пять патронов, а вас всего четверо. Реакция у меня сами знаете какая, так что не советую рисковать. Если закончим разговор хорошо, то все уйдут отсюда своими ногами.

– Брешешь, черт, – негромко прорычал Константин Никифорович. – Аховмедец от тебя тоже своими ногами ушел?

– Давайте не будем препираться, – перевел титулярный советник револьвер на первого полицмейстера, – времени не так много, поэтому надо все выяснить как можно скорее.

– А ведь я тебе поверил, – чуть не застонал Николай Соломонович.

– Ну будет посыпать голову пеплом. Давайте уже говорить конструктивно. Петр Андреевич, возможно, мой вопрос покажется вам нелепым, но все же ответьте. Вы правда недавно выиграли в карты большую сумму?

– Да, правда.

– Я слышал, вы тогда играли среди коллег. Не скажете, кто там был?

– Ну кто… я, Константин Никифорович, Его превосходительство Александр Александрович, Серафим Лукич, из розыскного, несколько чинов из жандармского. А собственно…

– И дайте я угадаю… Александр Александрович крупно проигрался?

– Не так уж и крупно. Впрочем, к чему вы ведете?

– А вы, Николай Соломонович, – не удостоил полицмейстера ответом Меркулов, – месяца четыре назад были на приеме у его Императорского Высочества. Один?

– Один, – пробурчал «гусар».

– Александр Александрович же занемог в тот день.

– Занемог, – подтвердил Николай Соломонович.

– Куда ты клонишь? – Сурово взметнулись брови обер-полицмейстера. Он даже сделал шаг вперед, но тут же замер, глядя на направившийся в его сторону револьвер.

– Клоню я к тому, Александр Александрович, что именно вы и являетесь тайным осведомителем Черного и предателем Короны. Вы прибыли сюда как раз после того, как я написал вам, что отправляюсь к великому князю, потому что знаю, кто стоит за ограблением музея и убийством Логофета. Что он вам сказал, господа? Будто некто написал анонимку на меня? Думаю, вроде некто из соседей. Видели, как я встречался Черным и теперь Его превосходительство вынужден обыскать мою квартиру, с вашей помощью, разумеется, а после меня объявить в розыск. Так?

По удивленным лицам полицмейстеров Мих понял, что если и не подобным образом все было сказано, то очень близко к оному.

– Только, господа, не трудитесь, ничего вы здесь не найдете. Гоблинарское золото, которое должен был подложить Черный здесь, – с этими словами Витольд Львович вытащил монеты, подобранные после гибели механоида, и выложил на стол, – это должно было послужить доказательством моей виновности, только Черный не смог добраться до моей квартиры.

– Мальчишка несет какой-то вздор, – хмыкнул Александр Александрович.

Обер-полицмейстер обернулся к своим подчиненным, ища поддержки, но те внимательно смотрели на Витольд Львовича. Даже Константин Никифорович, протеже Его превосходительства, не посчитал нужным сказать ни слова.

– Если вы не против, я продолжу. На моем месте должен был оказаться первый полицмейстер, да, да, вы Константин Никифорович. Именно для этого вас повысили, выдернули из Сундыри и приблизили к себе. Чтобы в определенный момент повести на заклание. Но вы сблизились с Павлом Мстиславовичем, его позже Александр Александрович тоже попытался попытался вывести из игры. Хотя, прошу прощения, я довольно слаб в риторике, забежал вперед. Итак, по порядку…

Меркулов сделал паузу, будто ожидая возражений. Его превосходительство побагровел, однако сделать еще ничего не решался, а вот остальные точно были не против беседы.

– Начнем с того, что Александр Александрович взял меня на место господина Дашкова после всем известного инцидента. А ведь после дуэли мне грозила высылка из Моршана, ведь вы знаете о моем отце, – голос Витольда Львовича дрогнул, но Меркулов продолжил, – более того, по моей просьбе дал в помощники Михайло Бурдюкова, вам известного. С чего такая доброта? Все очень просто, сына изменника и полукровку обвинить гораздо проще, чем полицмейстера, хоть и провинциального.

Константин Никифорович залился краской при своем упоминании. Вон чего, понял орчук, стыдится своего происхождения. С другой стороны, большая часть Моршана такими провинциалами усеяна, «выскочками», наверх пролезшими, у которых амбиций поболее всех столичных будет.

– Потом обер-полицмейстер поручил мне дело убиенного Рее Ол Дейна, зная, что убийство Логофета и ограбление связаны, потому что именно он стоит за ними. Минуту, минуту, – увидел вновь открывшего рот Александра Александровича, – я не закончил. Таким образом, я вышел на дело о музее и похищенной святыне. Но я опять забегаю вперед.

– Витольд Львович, – Константин Никифорович спокойно обратился к титулярному советнику, – вы тут строите различные предположения и гипотезы, но так и не сказали, зачем это все Его превосходительству?

– Все очень просто. Александр Александрович игрок, об этом вы все знаете сами. Причем весьма неудачливый. Первый раз он обмолвился об этом на приеме у великого князя, когда отнекивался от партии. Потом я узнал о недавнем выигрыше Петра Андреевича, который и вовсе не любит раскладывать карты. И один весьма влиятельный ростовщик рассказал мне по секрету, что Его превосходительство внезапно рассчитался по всем долгам.

– Большов! – Гневно вскрикнул обер-полицмейстер, но тут же поняв, что выдал себя, вновь замолчал.

– Прошу у вас прощения, Александр Александрович. Нечестная игра не в моих правилах, но тут пришлось… Большов лишь подтвердил, что некто, имевший большие долги, вдруг

рассчитался по ним. Еще сказал, что уж с кем, а с обер-полицмейстером он встречается частенько. Только и всего.

– Это все улики косвенные, – задумчиво заметил Павел Андреевич, поправляя очки, – и вы все не сподобитесь рассказать нам полностью, как обстояло дело.

– Прошу прощения, вы правы. Итак, теперь постараюсь без отступлений. Александр Александрович договаривается с неким тайным лицом о краже и передаче последнему копыта Рогатого Бога, аховмедской святыне. Только для этого надо ограбить Императорский музей. Задача не из легких. Потому и присылается в Моршан Черный, механоид, работающий на артефактном камне.

– Каком? – Почти разом все как один воскликнули полицмейстеры.

– Господа, прошу не перебивать, я и так легко путаюсь. Итак, Черный вместе с обер-полицмейстером грабят музей. Именно вместе, потому как святыня оказывается в руках у Его превосходительства. И Черному приходится продолжать помогать Александру Александровичу исполнять приказания, потому что в противном случае он может не получить святыню. Для начала убивается Логофет. Это должно было побудить аховмедскую делегацию разорвать переговоры о мире, после чего можно было, не боясь, передавать святыню и получать оставшиеся деньги. Но что-то пошло не так.

– Что же именно? – Не утерпел Николай Соломонович.

– Обеспокоенная аховмедская делегация давит на великого князя, а тот в свою очередь на обер-полицмейстера. Грозится, что уволит, а дело передаст Третьему отделению. Тогда Александр Александрович понимает, что попросту переждать не получится. Как раз ловко тут подворачивается свидетель, видевший Черного и успевший растрепать о том эльфарийцам. Механоид убивает его, перед тем нанимает склад и свозит туда все награбленное. А уже после Его превосходительство будто через тайных осведомителей узнает о помещении, набитом музейными экспонатами.

– А пожар? – Подал голос Николай Соломонович.

– Это стало уже следующей частью разыгранного представления. Святыня похищается обер-полицмейстером вторично, а склад сжигается. Черный, действуя по наводке Александра Александровича, подкупает младшего сына Аристова. Парень только входит в совершеннолетие, но фамильный дар уже проявляет себя. Еще, что более важно, молодой дворянин остро нуждается в деньгах, отец выдает ему только на малые расходы. Все удается лучшим образом. Склад сгорает, причем подложенное перо с почерневшими бриллиантами должно навести на Аристовых, что и происходит. Но, к сожалению, нам все же удается выйти на след Черного, и обер-полицмейстеру не остается ничего, кроме как пустить полицейских прочесывать Краснокаменку, предварительно дав знать об этом Черному.

– Каким образом, Александр Александрович почти не выбирается из полицмейстерства?

– В этом и вся шутка. Помните ту самую подзорную трубу, которую нашли у Черного. По моему разумению, через нее он наблюдал именно за обер-полицмейстерством, точнее за окном Его превосходительства. Могу только догадываться о неком предмете на подоконнике и его дальнейшем отсутствии или по отворенности самого окна. Черный увидел предупреждение, но слишком поздно. Александр Александрович пытался задержать штурм, специальным образом вызвав меня с Михом и навязав Николаю Соломоновичу.

– Все-таки, Витольд Львович, это слишком притянуто за уши, – вмешался Петр Андреевич, – благодаря известной дуэли все знают, что вы достаточно опасный противник, а про орчука и говорить не приходится, мало кто может сравниться с ним в силе. Летучий отряд Николая Соломоновича лишь выиграл от вашего присутствия.

– Да, но вы не учитываете того, что Черного вовсе не должно было быть там. Пройди все удачно, мы бы попросту не обнаружили механоида. Он сжег все записи, уничтожил необходимые вещи и сбежал, несмотря на окружение.

– Господа, я устал слушать эту чушь!

Его превосходительство решительно шагнул к двери, тень грозы мелькнула в его глазах, когда он посмотрел на замершего Миха. Но тут произошло удивительное. Николай Соломонович, приходившийся почти на голову выше Александра Александровича и стоявший за его спиной, попросту уронил свои кувалдоподобные руки на плечи начальнику. Колени обер-полицмейстера дрогнули, он боязливо обернулся, и даже уже было открыл рот, на что получил от «гусара» укоризненное мотание головы.

– Благодарю, Николай Соломонович, – сказал Витольд Львович.

– Все-таки как-то не сходится, – снял очки и потер переносицу Петр Андреевич, – всем известно, что великий князь вряд ли оставил бы в покое Его превосходительство. Он уже несколько раз высказывал неодобрение работой следствия.

– Да как вы не понимаете? Александр Александрович и не собирался оставаться в Моршане после передачи святыни. Более того, он хотел уехать в самое ближайшее время, не дожидаясь разрешения всей ситуации. Его превосходительство явился сюда позже вас? – Резко сменил тему Меркулов.

– Александру Александровичу необходимо было заехать домой, – ответил Константин Никифорович.

– Вряд ли в первую очередь, хотя туда он тоже заглядывал. Думаю, обитель обер-полицмейстера Черный проверил в первую очередь. Но Его превосходительство привез сюда кое-что очень важное.

– Святыню? – То ли удивился, то ли спросил Петр Андреевич.

– Именно. Скорее всего, она находится в саквояже или некой дорожной сумке, которую Александр Александрович оставил в экипаже. Боюсь, что после нахождения у меня гоблинарского золота, вы больше не увидели бы вашего начальника. Ведь не случайно Александр Александрович прихватил с собой все вещи.

– Вашу гипотезу хорошо бы проверить, – предложил первый полицмейстер.

– Конечно, прошу вас, Константин Никифорович, – Витольд Львович отошел от стола, стоявшего в середине комнаты, пропуская Его высокородие, – Мих, пропусти. Только у меня к вам большая просьба, поднимите его сюда.

Полицмейстер кивнул и, протиснувшись мимо орчука, поспешил вниз.

– К слову, тот самый прием, где вас, Николай Соломонович, Его Императорское Величество Святым Георгием пожаловали, обер-полицмейстером был пропущен нарочно, а не по причине

болезни.

– Ну конечно, ведь Государь Император имеет высший дар, доставшийся от божественного Ковчега, читать мысли, – воскликнул Петр Андреевич, будто вина Его превосходительства была уже полностью доказана.

– Именно. Тогда я, собственно, и начал подозревать плохое в отношении… – Меркулов посмотрел на угрюмого обер-полицмейстера, на мгновение смутился, но все же нашел в себе силы продолжить, – не каждый день Император приглашает ко двору, тем более награждает орденом. Сослаться на болезнь мог либо смертельно немощный, либо человек, который не хотел, чтобы его мысли были прочтены.

На лестнице застучали сапоги, послышался было возмущенный визг хозяйки: «Растопались, ироды» (на дворе и впрямь стояла ночь), но Константину Никифоровичу понадобилось всего несколько слов, причем в них не было ни одного бранного, после чего старушка мигом успокоилась и скрылась у себя. Первый полицмейстер появился, оттеснив с прохода Миха, не один, а с еще одним полицейским. Вместо саквояжа оказался старый, ровесник деда Его превосходительства, достаточно крепкий дорожный сундук, потому несли его с двух сторон.

– Вниз дуй, живо, – бросил первый полицмейстер подчиненному, уже с удивлением рассматривающему, как Николай Соломонович вроде и бережно, но все же цепко придерживает обер-полицмейстера. – Сшибать замок или ключ дадите, Александр Александрович?

Его превосходительство с видом полным благородного оскорбления отвернулся прочь, не проронив ни слова.

– Позвольте, – оттеснил Петр Андреевич Константина Никифоровича, уже присматривающего в комнате предмет поувесистей.

Пухлый полицмейстер приблизился к замку, повисшему на сундуке, покопался в кармане и достал… пару отмычек. Мих удивленно посмотрел на полицейских, но они и сами пребывали в полном изумлении. Петр Андреевич, как заправский отверточник с Сигаревского района, повозился в отверстии навесного замка, нечто мягко поддел, и запор с глухим стуком упал на пол.

Витольд Львович бережно, будто перед ним стоял ларь для драгоценных камней, поднял крышку и стал аккуратно убирать беспорядочно сложенную впопыхах одежду.

– Прошу меня великодушно простить, Ваше превосходительство, – сказал он, – обычно не имею привычки копаться в чужом белье. Но долг…

Притом выглядел Меркулов не сказать чтобы сильно сконфуженным, а вот на Александра Александровича было жалко смотреть. Старик посерел лицом, оказавшись похожим на покойника, плечи его вдруг стали покатыми, сам он сморщился, съежился. Титулярный советник вдруг остановился и медленным движением выложил на стол тряпицу. Отвернул один угол, второй, третий, и вот уже лежит перед ними бурое, как шоколад, что на Верхнеилецкой продают, и усохшее копыто на отрубленной ноге.

Сразу видно, много времени прошло с тех пор, как мощи от тела отделили, они уж и сморщились все, потемнели. Может, и изначально аховмедец смуглый был, да кто теперь разберет? Единственно ясно – стати козлоногий был неописуемой. Сколько лет прошло, а даже теперь, истаявшее от времени копыто не в пример больше было, чем любая нога даже самого

высокородного жителя Матара. Может, и правда прародителем аховмедцев был тот Рогатый?

– Вы уверены, Витольд Львович, что это, – Николай Соломонович пренебрежительно сморщился, – нужно козлоногим? Как человек с даром никаких магических проявлений в этом копыте я не чувствую.

Константин Никифорович и Петр Андреевич не преминули посмотреть на «гусара». Только один с плохо скрываемой завистью – хотелось, ох как хотелось первому полицмейстеру магией обладать – а другой с уважением, мол, вон среди нас какой человек работает.

– Я тоже не чувствую, – ответил Меркулов, – могу сказать точно, никакой магии тут нет. Если и была раньше, то истончилась и пропала, а может, и вовсе ее никогда не было. Но факт остается фактом: это мощи того самого прочего, которого при жизни прозвали Рогатым Богом. И аховмедцы пойдут на все, чтобы заполучить их.

– И что теперь?

Мих не сразу разобрал, кому принадлежал голос. Прозвучал он с надрывом, так голодные чайки кричат над рекой, выронив рыбу. Но господа поняли, повернули головы к обер-полицмейстеру.

– Думаю, все зависит от вашего разговора с великим князем. Винитесь, Ваше превосходительство, перед ним.

– Не простит, – недобро усмехнулся старик, – да и в чем виниться? Что мне, герою Днегорской шипки, не у государя место дали, не губернаторствовать направили, а кость бросили: занимайся, Муханов, самой грязной работой? Знаете ли вы, сосунки, сколько я уже обер-полицмейстерствую? Двадцать шесть лет. Ты, Витольд, тогда и вовсе не родился. И что, да ничего. Забыли про меня. Откупились шестьюстами целковыми в год, будто то деньги.

Мих чуть не поперхнулся. Знал он, что живут иные мужики и на тридцать рублей в месяц, не жалуются, тут же…

– Вы правы, Александр Александрович, – согласился Меркулов, – зря вас на действительной военной службе не оставили, зря за порядком в Моршане следить поставили. Избаловала вас жизнь столичная. Вы ведь, держу пари, и взятки берете.

Его превосходительство гневно посмотрел на титулярного советника, а тот лишь в ответ покивал.

– Берете, берете, причем немалые. Это даже совсем не странно, у нас на вашем месте немногие не берут. Даже вроде странным это кажется. Но вы ведь злодей особый: вы мало того что подобной системой пользуетесь, вы еще и недовольны. Для вас и Император, и государство Славийское пустым звуком стали. Оттого и с гоблинарцами сблизились.

– Думаете, Витольд Львович, что за этим сплющеноухие стоят? – Вмешался в гневную отповедь Петр Андреевич.

– Чертежи, найденные у Черного, были на гоблинарском, золото, которое должен был подкинуть мне Черный, думаю, выдал сам Александр Александрович из своей оплаты.

– А аховмедские деньги, которым Черный оплачивал склад и жилье?

– Лишь отвод глаз. Причем довольно неумелый. Не будут же аховмедцы платить, чтобы ухудшить свое положение. О том, что за всем стоят гоблинарцы говорит и самый главный факт – Черный. Всем известно, кто лучшие инженеры в мире, поэтому конструирование механоида можно смело записать на их счет. Пока не представляю, как им удалось добиться заключение магической энергии, питающей Черного, в артефакт, но только гоблинарцам подобное под силу.

– В ваших словах, Витольд Львович, есть смысл, – согласился Петр Андреевич. – Вы кого-то ждете?

Вопрос был задан потому, что снаружи послышался шум подъезжающего экипажа. Кучер, в отличие от полицейских возничих, не хоронился, потому громким «тпру» сдержал лошадей. Мих поводил ушами: не меньше двух животин, значит, и коляска не простая, а из богатых. Что Витольд Львович и подтвердил.

– Да, господа. Я отправил два письма: первое Александру Александровичу, а второе великому князю. Ведь не нам же распоряжаться судьбой этих мощей, этой аховмедской святыни. Не в нашей компетенции. Тут дело государственного порядка.

Торопливо застучали каблуки по лестнице. Орчук даже удивился. Он привык видеть Его Высочество в степенном спокойствии, сейчас же во всех действиях угадывалась удивительная поспешность, так несвойственная аристократам. Следом показался сам великий князь, взъерошенный, с горящими глазами и верным камер-фурьером за спиной.

Он мельком посмотрел на Миха, но и этого хватило, чтобы орчук вжался в стену, после Его Высочество скользнул внутрь квартиры и остановился, переводя взгляд с мощей на обер-полицмейстера. Внезапно великий князь подскочил к Муханову и отвесил такую хлесткую пощечину, что звон ее ударил по ушам почище ружейного выстрела.

– Ваше Высочество, держите себя в руках, – посуровел Витольд Львович.

Как ни странно, но именно это замечание возымело эффект. Брат Императора стал похож на себя прежнего, еще раз обвел всех многозначительным, не сулящим ничего благоприятного, взглядом, и обратился к титулярному советнику.

– Все, что вы изложили в своем письме, правда?

– Как вы изволите видеть, Ваше Высочество. Вот реликвия, которую мы так долго искали. Господа полицмейстеры выслушали мои доводы и не высказали решительного противления. Тем более Его превосходительство невольно признался в содеянном, хоть и не раскрыл полностью всего.

– Превосходительство, – презрительно выплюнул князь, – ненадолго он теперь в превосходительствах ходить будет. А уж о содеянном расскажет как миленький. Господа, об этом прошу ничего и никому… Скоро я со всеми вами поговорю. Теперь же, – Его Высочество аккуратно завернул мощи в тряпицу, – надо обговорить все с аховмедской делегацией. Николай Соломонович, Константин Никифорович, сопроводите… этого ко мне домой, никто не должен знать, что произошло. Не в тюрьму же его… Петр Андреевич, возьмите самых верных Императору людей и сделайте обыск в апартаментах бывшего обер-полицмейстера. До скорой встречи, Витольд Львович…

Когда они уже остались вдвоем, Мих тяжело уселся на пол. Ноги ходили ходуном, а тело точно перенесло горячку. Орчук поглядел на дорожный сундук Его превосходительства, оставленный

в спешке, и его бережливая натура опять взяла верх. Стал он думать, куда приспособить теперь такую нужную и брошенную вещь.

– Ну и ночка, – сказал вроде сам себе Витольд Львович.

– И не ночка уже, господин, – кивнул в сторону окна Мих.

Там, освещая купола церкви Симеона Исповедника и частично сбитую черепицу ближайших доходных домов, далеко, почти за краем земли, алела в прорехах туч предрассветная полоса. Вздохнул орчук: вот и пережили ночь. Усталость, до того сидевшая в углу грязным стыдливым псом вдруг подскочила к Бурдюкову. Потяжелели веки, потянулся в широком зевке рот, зачесались глаза. Спросил он уже так, на всякий случай.

– Теперь что делать будем, господин?

– Думаю, Мих, что выражу общее мнение. Теперь мы будем спать.

http://tl.rulate.ru/book/9351/187724